

15 АВГУСТА 2002 ГОДА, ЧЕТВЕРГ

Вчера был День независимости Пакистана, а сегодня — Индии. После утренней церемонии Тэрасавансэнэй говорил, что западное понятие суверенитета было, как бомба замедленного действия, навязано Индии и Пакистану уходящей Британской империей. Ради достижения этого суверенитета, их независимости прежде всего друг от друга, ни во что не ставились тысячи человеческих жизней. А ведь Индию и Пакистан до сих пор исторически объединяют древние буддийские ступы времен Ашоки и Канишки. Но народы этих государств, не так давно бывших единой страной, в большинстве своем не помнят этой истории, считая себя одни индуистами, другие мусульманами, у которых не может быть ничего общего, кроме обид.

И вот мы заканчиваем эту часть нашего Марша мира в такие же трагические дни разделения Индии и Пакистана, как начинали 6–9 августа — в дни атомных бомбардировок Хиросимы и Нагасаки.

Хотя ночью шел дождь, весь день светило солнце. Мы поехали сначала к полуразрушенной ступе Гум-

батуна, провели короткую церемонию; она стоит недалеко от дороги, на другом берегу реки Сват. Рядом со ступой лежат частично ушедшие в землю каменные колеса, когда-то бывшие зонтиками на шпилье ступы. От нее открывается красивый вид на долину Сват. Здесь это одна из немногих ступ, что построены по канонам, то есть в таком месте, где восток не закрыт горами.

Затем мы забрались в очень глухие места, поднялись пешком на гору к еще более каноничной, но тоже полуразрушенной ступе Нимаграма, окрестности которой очень похожи на окрестности знаменитой индийской горы Гридхракута, где Будда проповедовал нашу «Библию» — Лотосовую сутру.

В 8-й главе этой сутры есть сравнение учеников Будды с человеком, «который пришел в дом к близкому другу, напился вина, упал [и уснул]». «Близкий друг должен был уйти по казенным делам. [Решив сделать гостю подарок, он] зашил в подкладку [его] одежды бесценную жемчужину и ушел. Тот человек, напившись, [спал и ничего] не знал. Поднявшись,

[он] отправился в путешествие и достиг чужой страны. [Он] усердно трудился, чтобы заработать на одежду и пропитание, но находился в очень бедственном положении и был доволен, если добывал хоть какую-то малость. Позже [его], случайно встретив, увидел близкий друг и сказал: «Ну и ну! Как [ты] дошел до того, что [работаешь] ради одежды и пищи? Когда-то я пожелал, чтобы ты обрел покой и радость и удовлетворил [свои] пять желаний, и в такой-то год, день и месяц зашил в подкладку твоей одежды бесценную жемчужину. [Она] и сейчас [там], а ты [об этом] не знаешь, мучаешься и страдаешь, стремясь поддержать собственное существование. Как это глупо! [Иди] и обменяй сейчас эту жемчужину [на все, что] пожелаешь. [Ты] никогда не будешь бедствовать или испытывать в чем-либо нужду». Так же [поступал] и Будда. Когда [он] был бодхисатвой, то, уча и обращая нас, пробуждал [в нас] мысли о всеобъемлющем знании, но [мы все] быстро забыли, [мы ничего] не знали и не осознавали».

Тэрасава-сэнсэй сравнил Индию и Пакистан с напившимся человеком из этой притчи, у которого уже есть бесценный подарок — Учение Будды, но они не знают об этом и мыкаются в поисках поддержки от разделяющих их религий и западных стран, у которых нет достаточной мудрости, чтобы помочь им объединиться.

Затем вооруженный кортеж полицейских повез нас в центральный музей района Дир. Большинство экспонатов составляют барельефы. На них много изображений Будды, показывающего жест «абхямудра» — «дарующий бесстрашие»: поднятая рука обращена к тебе открытой ладонью. Сергей Коростелев, самый старший ученик Тэрасавы-сэнсэя, специально попросил меня записать, что этот знак показывает отсутствие в руке оружия, поэтому и «не бойтесь». А также — что он сохранился в форме обычного пакистанского приветствия, зачастую заменяющего традиционное исламское прикладывание правой руки к сердцу. Что опять-таки свидетельствует о подсознательно сохранившейся в Пакистане буддийской традиции.

В музейном садике мы пообедали лепешкой с котлетой и зеленым чаем, в который местные повара не преминули положить сахар с лимоном. После чего директор музея свозил нас к ступе Андан, в двух километрах от Чакдарра.

Тэрасава-сэнсэй обнаружил, что и ступа Андан тоже вполне соответствует традиции Лотосовой сутры, и стал расспрашивать директора музея, не называлась ли эта местность Малой Раджагрихой¹ в те

времена, когда сюда приезжал китайский паломник Сюань-цзан. Директор не смог дать ответ на этот вопрос, однако поведал интересную деталь: когда мусульмане пришли в Гандхару и Сват, они не разрушали буддизм, в отличие от гуннов и индуистских царей, среди которых первым гонителем был царь Калар. Вот как интересно, даже в отношении к буддизму мусульмане противопоставляют себя индуистам. Впрочем, исторически он, возможно, и прав...

19 АВГУСТА 2002 ГОДА, ПОНЕДЕЛЬНИК

Итак, мы снова в Исламабаде, уже второй день отдыхаем в Международном буддийском центре при посольстве Шри-Ланки. Это единственный действующий буддийский храм в Пакистане, расположенный внутри хорошо охраняемого, снаружи похожего на укрепленный квартал, который целиком состоит из посольств разных стран.

Тэрасава-сэнсэй использовал это время для сочинения, как он это назвал, «мемуаров» о завершившейся первой части нашего Марша мира. Тимур записывал под диктовку Учителя, а я набивал его записи на компьютере в интернет-кафе, параллельно разбираясь с электронной почтой. Кстати, пошел уже второй год моей «жизни» во Всемирной сети.

Вечером пришли пакистанцы из миротворческой организации IBSGM, основанной после известного террористического акта в Нью-Йорке 11 сентября 2001 года. Они взялись изучать буддизм как самую миролюбивую религию, причем не по книгам, а путешествуя по историческим местам собственной страны. Они много с нами фотографировались и предложили проводить совместные марши мира по Гандхаре — области Пакистана, где сохранилось множество памятников буддийской истории. Тэрасава-сэнсэй так воодушевился, что подумывает, не отложить ли намеченное на 1 сентября возвращение в Индию, чтобы поехать на юг Пакистана, в сторону Карачи, через Мохенджаро, к народу Куч, который, как рассказали нам гости, сохранил своеобразную устную духовную традицию, основанную неким пророком 700 лет назад (что-то вроде индийских сикхов, только на свой лад). А может быть, мы поедem на север, в Хунзу и Гилгит. У Сэнсэя планы всегда определяются только в последний момент.

20 АВГУСТА 2002 ГОДА, ВТОРНИК

Утром Тэрасава-сэнсэй с двумя учениками ходил в японское посольство и индийское высшее уполномо-

гора Гридхракута (гора Священного Орла), на которой Будда проповедовал Лотосовую сутру и другие сутры позднего буддизма — Махаяны (Великой Колесницы).

¹ Возле города Раджагрихи, столицы древнего царства Магадха на северо-востоке нынешней Индии, располагалась

Марш мира в Пешаваре. В гостях у генерала Барбера, лидера Народной партии Пакистана, обладателя уникальной коллекции древнего буддийского искусства Гандхары, вручившего нам шарину Будды

Встреча Марша мира на территории древней Гандхары и Хунзы, наскальные изображения буддийских ступ

Пограничный пункт Бага между Индией и Пакистаном

Раскопки буддийского монастыря Тахт-и-Бахи возле Пешавара, древней столицы империи Канишки и Кушан

моченное представительство (по-английски звучит как High Commission, это рангом ниже статуса посольства, до которого отношения двух стран, видимо, еще не доросли). И там и там серьезно отнеслись к рассказу о нашем Марше мира. Индийский дипломат уделил беседе целых полтора часа, а японский посол признался, что с самого начала по пятам следовал за нашим Маршем мира, приезжая в Таксилу, Пешавар и Сват каждый раз на следующий день после того, как мы оттуда уезжали.

21 АВГУСТА 2002 ГОДА, СРЕДА

Весь день ехали в Музаффарабад, столицу Азад Кашмира (Свободного Кашмира) — той части индийского штата Джамму и Кашмир, что объявила о своей независимости от Индии и оказалась, по сути, включенной в состав Пакистана. Пакистан же считает весь штат Джамму и Кашмир (со столицей Шринагаром) землей, оккупированной Индией, и всячески поддерживает сепаратистские настроения на этой территории, ставшей таким образом яблоком раздора между двумя государствами. Собственно, в том и заключается цель нашего Марша мира, чтобы тлеющая искра конфликта не вспыхнула пламенем паназиатской ядерной войны.

Другими словами, штат Джамму и Кашмир просто хочет самоуправления, причем оставаясь внутри Индии, но Индия считает это сепаратизмом и требует от Пакистана прекратить поддержку повстанцев, взамен даже заявляя о своей готовности отказаться от притязаний на Азад Кашмир. Правда, международное сообщество не одобряет такого рода сделку.

Все это — наследие Британской империи, которая, уходя из региона, разделила единую Индию на две страны очень неудобным образом. Доходило до того, что Пакистану достались прямо никак с ним не соединенные территории — эксклавы. Так, например, Бангладеш какое-то время считался частью Пакистана.

Тэрасава-сэнсэй встретился с замом управляющего Азад Кашмиром, и тот разрешил посещать любые места, кроме линии контроля, где индусы обстреливали даже наблюдателей ООН.

Мы остановились в депутатской гостинице с интересной планировкой: бублик с дыркой — внутренним двориком. На горе, видной из окон наших номеров, арабской вязью выложено белыми камнями: «Кашмир Пакистанский». Здесь высокие красивые горы, похожие, как говорит Саша из Онгудая, на Алтайские, только более обжитые.

Сегодня полнолуние. Японский святой XIII века Нитирэн, основоположник нашей школы Лотосовой сутры, писал в трактате «Выбор времени», что августовское полнолуние — лучшее в году. Тэрасава-сэнсэй рассказал нам об этом после вечерней церемонии на крыше гостиницы, когда мы увидели восход луны из-за горы. Он сравнил это полнолуние с самым важным моментом в жизни каждого подвижника, в который только и возможно осуществить его главное предназначение и который ни в коем случае нельзя упустить.

А несколькими днями раньше в Исламабаде Учитель произнес проповедь об игре «божественными проникновениями» как необходимой составляющей Дхармы (Учения) бодхисатв (тех, кто самоотверженно распространяет Дхарму по всему миру ради спасения всех живых существ). Об этом идет речь в самом начале 4-й главы Лотосовой сутры — главы с притчей, очень похожей на библейскую притчу о блудном сыне. Когда мы, как обычно во время службы, читали вслух на русском языке эту главу, Тэрасава-сэнсэй специально остановил нас, чтобы внести исправление в перевод, сделав особый акцент на игре как компоненте Дхармы. А я вспомнил, как в самом начале нашего знакомства Учитель подписал иероглифами книжку японских сказок для моего годовалого сына: «Играй божественными проникновениями».

Однако в этой депутатской гостинице кормят европейскими завтраками! Мы уже очень соскучились по такой еде после бесконечного риса с тушеными овощами и очень изредка — мясом. А также в каждом номере есть телевизор с CNN, BBC, Star Movies.

Насладившись всем этим, мы поехали на встречу с заместителем министра по коммуникациям, который организовал нам последующую встречу в пресс-клубе. В городе везде — знаки военной силы: ракета на постаменте, направленная в сторону Индии, пушка, и даже моторики разъезжают с макетами двух ракет по бокам, а между ними — портрет Джини (основателя Пакистана) и какого-то кашмирского правителя.

Конечно же, замминистра нажимал на несправедливость индусов и на право кашмирцев на самоопределение, которое не признается Индией, выдвигающей свою концепцию inclusiveness — всепримятия: всем народам должно быть хорошо внутри индийского государства. Такой же подход у индусов, кстати, и к религиям: они просто считают святых других конфессий аватарами (проявлениями) индуистских божеств, не спрашивая, нравится ли оно верующим этих конфессий.

Заместитель министра — правнук мусульманского святого из рода Кадыритов. Двух молодых чеченских

братьев, участников нашего Марша мира, он поразил своим знанием суфийского ислама, который исповедуется в Чечне.

И у него в кабинете, и в пресс-клубе нас потчевали угощением, стоящим здесь по распространенности на втором месте после чая, — дали каждому по бутылочке ледяной пепси-колы со вставленной в нее трубочкой для питья. Обе встречи снимали на телекамеры и сразу же показали в новостях. Мы продолжаем быть звездами всепакистанского уровня.

Изначально встреча в пресс-клубе задумывалась как пресс-конференция Марша мира, но пришел мулла, и поэтому получился круглый стол. Разумеется, все присутствующие доказывали нам, что кашмирцы — самый мирный по своей культуре народ, но коль скоро их заставляют, они вынуждены защищаться с оружием в руках, и т. д. и т. п.

Потом мы прошли Маршем мира по главной улице Музаффарабада. За 17 дней, минувших с формального начала пакистанской части нашего Марша, это был, по сути, наш первый Марш мира в полном смысле этого слова, если брать за критерий массовость шествия и густонаселенность мест, через которые оно прошло. Даже огромным страшным грузовикам с гигантским навесом над кабиной приходилось притормаживать, чтобы пропустить эту процессию. Как только мы встали, вокруг собралась настоящая толпа народу. Правда, наш чеченец Леча почему-то процеди: «Бараны...»

После обеда мы поехали в расположенный на склоне горы медицинский центр, а по сути — лагерь для беженцев, прибывших сюда из индийской части Кашмира с 1990 года. Там нам раздали листовки с точными цифрами людей, убитых или пострадавших от различного типа насилия во время конфликта с индийскими властями. Беженцы эмоционально рассказывали нам о задержаниях и пытках, которым они подвергались из-за обвинений в борьбе за независимость своего штата. В лагере много детей. Один мальчонка на неплохом английском втолковывал мне, что буддизм — не то, что нужно, а вот ислам хорош. Видно, учат их тут этому, натаскивают... Но беженцев не покидает ощущение безнадежности своего положения. К ним часто приезжают представители различных международных организаций, в том числе из UNHCR (Управление Верховного комиссара Организации Объединенных Наций по делам беженцев), но никто не может помочь. На нас они тоже смотрели отчасти как на таких же представителей... Хотя звукам наших молитвенных барабанов все искренне радовались.

Сергей из Энгельса обратил внимание на то, что к нам ни разу не подошла ни одна женщина, они позволяют себе лишь смотреть на нас издалека. Вообще все важные вопросы здесь решают только мужчины, которые ходят держась за руки. Кому-то с испорченным воображением это может показаться странным, но так здесь принято. И, кажется, по большому счету, без женщин у кашмирцев дела действительно делаются лучше, спокойнее.

23 АВГУСТА 2002 ГОДА, ПЯТНИЦА

Вечером по пакистанскому телевидению выступил президент Мушарраф с заявлением, что сегодня на линии контроля велись боевые действия, начатые Индией (которая это, разумеется, отрицает), с применением артиллерии и авиации, есть жертвы. Линия контроля далеко отсюда, но здесь это главная новость, ее иллюстрируют кадрами 1947 года, на которых первый премьер-министр Индии Джавахарлал Неру говорит, что народ Кашмира вправе сам выбирать свою судьбу и что если ему окажется не по пути с обретшей независимость Индией, то так тому и быть. Следующими индийскими руководителями эти слова были забыты.

Тэрасава-сэнсэй очень обеспокоен происходящим и подумывает уже отложить намеченную на завтра поездку в Хунзу и Гилгит. Возможно, послание нашего Марша мира особенно необходимо сейчас именно здесь.

Не зная еще всех этих новостей, мы с утра весь день молились на самой высокой горе Азад Кашмира (3300 метров). На ней находится могила потомка имама из-под Багдада, известная также тем, что ее посетил имам Бухарский, сказитель хасидов — историй из жизни пророка Мухаммеда. Мусульмане, живущие у этого святилища, отнеслись к нам душевно, напоили чаем и прочитали молитву за успех Марша мира — необычную, со вскрикиваниями и вздергиванием рук. На гробе имама, покрытом в несколько слоев тканей разного цвета, исписанными арабской вязью (самая верхняя ткань — зеленая), лежит шапка — что-то вроде шлема с большим гребнем.

При подъеме на гору и спуске с нее от перемены давления у меня кружилась голова, я чувствовал себя пьяным.

А все-таки это прекрасная традиция у мусульман — уединяться для намаза. Они умеют это делать даже прилюдно. Часто наблюдаю это здесь.

Я со своим дневником тоже чем-то на них похож...